

Катрин Бенкендорф

ИБЭ

16+

Катрин Бенкендорф

Ибэ

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бенкендорф К.

Ибэ / К. Бенкендорф — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-532-11923-9

Ибэ — это ветер, встреча с которым меняет судьбы людей, а иногда и целых миров. Он стирает границы между реальностями. Он способен забросить на другой конец Вселенной и дать возможность обычному человеку стать героем. Он покажется тебе, чего ты стоишь, а потом вернет обратно... Только будет ли куда возвращаться?..

ISBN 978-5-532-11923-9

© Бенкендорф К., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

26

*23 ноября 18** года, Джунгарская равнина, Восточный Туркестан¹*

– И чего ты на меня так уставился, будто это я его убил? – прорычал уйгур сквозь зубы, оборачиваясь в сторону Аццо.

– Но ты мог его спасти. У тебя ведь есть оружие! – сказал молодой ученый. Остальные члены группы предпочли не вмешиваться в их разборку.

Внезапно Расул накинулся на юного Шульца, который от неожиданности не успел даже попытаться спастись, взял его за воротник, и, едва сдерживая свою ярость, выпалил:

– Кто заставлял его туда лезть? А? Я вам мамочкой не нанимался! У этого ян-гуйцзе² тоже есть пушка! – уйгур кивнул в сторону англичанина, который сидел поодаль и даже не оборачивался на выясняющих отношения мужчин. – Так почему же именно я должен был рвать свою задницу за этого идиота?!

В действительности правда была на стороне уйгура, все это прекрасно осознавали. Расул предупреждал Карла не соваться в старую шахту, которая кишела волками. Но алчное желание наткнуться на оставленное рудокопами золото погубило ученого. Аццо Шульц наконец взял себя в руки и, успокоившись, сказал:

– Прости. Просто он был мой другом.

Уйгур опустил Шульца на землю, ничего не ответив, лишь ухмыльнулся и презрительно сплюнул в сторону.

Со стороны Аццо было бы глупо вступать в конфликт со своим проводником, ведь Расул являлся, пожалуй, единственным в этой местности знатоком Джунгарского Алатау и Джунгарских ворот³, владевший английским языком, которому он выучился за время работы с группой ученых из Англии, занимавшихся раскопками древнего города Кара-Ходжа близ Турфана.

– У Карла была жена? – когда все успокоились, спросила единственная девушка в их группе.

– Нет, он посвятил свою жизнь только работе. Наука была его женой, и его семьей, – Аццо тяжело вздохнул.

– А родственники у него были? – не унималась девушка.

– Только брат. Старший. Правда я не могу даже вспомнить, когда они последний раз общались. Он не понимал фанатизм Карла, который мог неделями забывать поесть, увлеченно изучая древние документы и находки. – ответил Аццо.

– Все мы разные, это не повод не общаться с собственным братом. – возмутилась Эмелина.

– Возможно, – ответил Шульц. Ему совсем не хотелось углубляться в детали отношений погибшего друга с братом, он предпочел не продолжать беседу на эту тему, отвернувшись от девушки.

Такого развития событий, да еще и в самом начале экспедиции, никто не ожидал, даже местный вояка Расул. Для всех этот поход виделся увлекательным приключением, не предвещавшим ничего, кроме захватывающих ощущений и интересных переживаний.

– Да, кровь в начале пути – дурной знак. Это предупреждение. Духи против вашего присутствия здесь, – сказал уйгур, задумчиво всматриваясь в самую глубь ущелья. – Да еще и конец ноября. Вот-вот может проснуться Ибэ, тогда уж всем не поздоровится.

¹ территория современного СУАР, Китай

² заморский черт – так называют иностранцев местные

³ проход, находящийся в восточной части гор

– Отступать я точно не собираюсь. Тогда получится, что смерть Карла была напрасной. – ответил Шульц. Им, как, впрочем, и другими членами экспедиции, двигало наваждение, не ведающее компромиссов.

– Я с Аццо согласна. Отступаться не в моих правилах. К тому же я не слишком суеверна.

Англичанин все также сидел в одиночестве подальше от основной группы и беззаботно смотрел на Джунгарскую равнину, в сторону озера Эби-Нура, которого уже давно не было видно. Стоит отметить, что этот человек рождал в людях весьма противоречивые чувства. С одной стороны – чудак, а к чудакам, как правило, относятся с крайней осторожностью, ибо что у него на уме – известно одному богу, с другой стороны – вел он себя крайне тихо, миролюбиво и отвечал людям всегда доброжелательно, с неизменной улыбкой, что не могло не настраивать окружающих к нему благосклонно.

– Мистер Уоллес, а вы как? С нами? – окликнул мужчину Шульц.

– Да, да, конечно. Только вперед! – ответил Джон, даже не обернувшись. Аццо, любопытства ради, посмотрел в ту же сторону, что и старик, пытаясь разглядеть в равнинном пейзаже хоть что-то, что могло бы так приковать внимание, но, к своему сожалению, не заметил ничего даже мало-мальски интересного: голая степь с сухой травой и редким кустарником сливалась на горизонте с бездонным осенним небом. Справа тянулась горная цепь Тянь-Шаня, покрытая снежной шапкой, на которую англичанин даже не смотрел, хотя, на взгляд Аццо, картина была куда более привлекательной.

– Да как хотите. – ответил уйгур. – Это предупреждение было не мне адресовано. Вот только потом не обвиняйте других в ваших несчастьях!

Расула с детства обучали умению видеть и толковать знаки, которые посылали, как утверждал его дед, сами Духи. Ни раз вовремя распознанный знак спасал его семью от многих бедствий. И вот сейчас, дурное предзнаменование было очевидно для уйгура, и он прекрасно осознавал, что пренебрежение им может привести в дальнейшем к весьма плачевным последствиям. Как же ему хотелось сейчас бросить этих глупцов, оставив их наедине со своим невежеством и слепыми амбициями... Но глубоко внутри он чувствовал свою ответственность за этих людей, так легко доверивших ему свои жизни, и эта ответственность не давала ему права оставить их.

– Так, любители приключений, тогда делаем привал на ночевку. А на утро чуть свет пойдем в ущелье, – подытожил Расул. – Место как раз хорошее, и корм для животных есть, и вода рядом.

Аццо облегченно вздохнул: потерять провожатого было никак нельзя, а аргументов, способных переубедить суеверного уйгура, увидевшего дурное знамение – он, признаться, пока не находил. «Видимо, ему очень нужны деньги!» – только и подумал он.

Группа расположилась недалеко от Джона, который уже по-ребячески валялся на траве, запрокинув руки за голову, и любовался проплывающими облаками. Старикашний раз никто не тревожил, словно невиданного зверя, его старались обходить стороной, лишь издали с любопытством поглядывая в его сторону. Даже в разговоры с ним вступать ни у кого не было особого желания.

Расул развьючил лошадей и верблюдов, и пустил их пастись, пока еще было светло, решившись все же попросить Джона приглядывать за животными, на что англичанин с охотой согласился. Сам же уйгур, взяв ведра, отправился к источнику за водой, который был в десяти шагах от места привала. Эмелина копалась в сумке в поисках баурсаков⁴ и вяленого мяса, которые пришлось бы им сегодня на ужин.

Шульц занялся костром. Со стороны казалось, что он это делает впервые в своей жизни, настолько неумелы были его движения. И то было почти правдой: лишь в детстве пару раз,

⁴ традиционное мучное изделие у уйгуров

уходя с приемным отцом в лес на охоту, ему приходилось разжигать костер. Еще тогда Аццо это давалось с большим трудом, а уж сейчас, спустя столько лет без практики и в такой напряженной обстановке, пламя совсем никак не желало поддаваться юному ученому, и тот постоянно тревожно озирался, боясь, что кто-то станет свидетелем его промахов. Но каждый был занят своим делом и не обращал на Шульца ни малейшего внимания. Вдруг раздался возглас Расула:

– Вот черт!

Все тут же с замиранием сердца обернулись в его сторону. Чтобы не вызвало такую реакцию местного вояки, оно должно быть очень серьёзным и представлять реальную опасность, раз даже его голос тревожно дрогнул.

Уйгур стоял лицом к горам Тянь-Шаня: за ними солнце заходило за багряные облака. Зловещее зрелище было словно не из этого мира, оно и наводило ужас и гипнотически манило к себе эту троицу неискушенных, словно бабочек на огонь.

– Должно быть завтра будет жаркий денек! – попытался разрядить накаленную атмосферу Аццо, но у него этого не вышло. Уйгур с нескрываемой злобой и презрением посмотрел на Шульца:

– Ибэ идет, черт бы вас побрал! Надо сворачивать обратно.

Члены экспедиции переглянулись между собой. Про Ибэ до этого им пришлось лишь мельком прочитать пару предложений, собираясь в дорогу: сухой ураганный ветер, несущий много песка и пыли, дующий в среднем 70-100 дней в году через Джунгарские Ворота. Но о реальной силе Ибэ имел представление лишь Расул, которому еще с малых лет рассказывали об ужасающей мощи ветра, способного засыпать песками целые города, и не раз потом уйгуру приходилось почувствовать эту дикую необузданную силу природы на собственной шкуре.

– Эй, вы что, оглохли?! Ибэ – это не шутки! Он скоро будет здесь и нам нужно уходить, пока еще есть эта возможность. – сказал Расул. – Что остолбенели? Не знали, что не на прогулку выбрались?!

Одна только мысль о том, что они идут по следам великого монгольского завоевателя, ступая по той же земле, наблюдая те же пейзажи, переживая, возможно, схожие чувства, будоражила сердца этих трех отчаянных авантюристов. Не говоря уже о том, что они могут найти несметные сокровища, погребенные более пяти столетий назад в этом богом забытом месте. И багряные облака, будто налитые кровью многочисленных убитых безжалостным предводителем степей Азии, не казались им дурным знаком. Напротив, это зрелище ввергало их в состояние предвкушения чего-то таинственного, сокрытого от глаз обычных людей, обещая посвятить в свои погребенные временем секреты.

Первым очнулся от ошеломляющего зрелища Шулец:

– Плачу вдвое больше. Только, прошу, давайте останемся до прихода Ибэ! Я хочу увидеть это зрелище своими глазами, – выпалил молодой ученый, обращаясь к своему проводнику. Тот в ответ застыл в полном недоумении.

– Гарнар! Ты опять за свое? Если повторится то же самое, что и в прошлый раз, я обращусь к Богам. – раздался недовольный мужской голос и эхом разлетелся по всему залу.

В высоких створах дверей показался крупный силуэт мужчины в мантии. Его лица не было видно, но Гарнар и так узнал брата по голосу. Тени от колонн с обеих сторон падали к центру зала, создавая там узкую дорожку света, по которой размеренно и величественно нарушитель тишины продвигался к трону. Это был Клеонор, брат Гарнара.

– Я тоже тебе рад братец! – ответил Гарнар. Не то, чтобы правитель был сильно раздражен неожиданным визитом родственника, нет. Гарнар по-своему любил брата, и, хоть они и были ровесниками, всегда чувствовал нечто вроде отеческой заботы по отношению к Клеонору, который виделся ему ребенком, наивным и простодушным, случайно и так нелепо заброшенным во взрослую жизнь.

– Гарнар, я не шучу, ты же знаешь! – сказал Клеонор.

– Да, братишка, к сожалению, я знаю, что ты не шутишь, и это как раз то, чего тебе так не достает: умение шутить, быть проще, знаешь ли. – ответил Гарнар.

– Проще? Да тебе все лишь бы шуточки шутить!

– Нет. Вовсе нет. Просто никак в толк не возьму, что ты от меня хочешь? – спросил Гарнар, безразлично рассматривая перстни на своих пальцах. Он заранее знал бессмысленность этого разговора, и до сих пор терялся в догадках, зачем его брат каждый раз устраивает эти сцены. «Неужели в нем настолько сильна вера в волшебный случай, способный изменить меня?» – параллельно думал Гарнар.

– Чтобы ты вел эту битву честно! – ответил Клеонор.

– Честно? И где же я мухлюю, братец? Где?

– Гарнар, прошу тебя, только не держи меня за дурака! Мы с тобой оба прекрасно понимаем, о чем идет речь. – сказал Клеонор.

– Ладно, ладно. За дурака я держать своего любимейшего брата вовсе не хочу. Да, ты прав. Я хочу повернуть то же самое, что и в прошлый раз. Только не пойму, что ты так взъелся на меня из-за этого? Кто тебе самому мешает поступить так же? Кто?

– Мое благородство и моя честь. Вот кто, – ответил Клеонор и, слегка упокоившись, продолжил уже более тихо, – Но тебе, боюсь, не понять.

– Ха-ха, братец, ну право, брось заниматься этой ерундой.

– Эта ерунда – я сам. Это часть меня. И если я откажусь от этой, как ты изволил выразиться, «ерунды», я откажусь от себя самого. – ответил Клеонор.

– Прошу, только не преувеличивай. Я знаю, что ты отлично это умеешь делать, – теперь Гарнар увлеченно разглядывал кружева своих перчаток, ему давно осточертел этот кодекс чести своего брата и все его высокие чувства, которые он постоянно каким-то образом ранил.

– Клеонор, если это все, я бы попросил тебя освободить мой дом. Дел, знаешь ли, куча. — продолжил Гарнар. Теперь он смотрел прямо в глаза Клеонора, взглядом, полным решимости.

– Тогда я пойду к Богам, ты сам меня вынудил, – сказал Клеонор и, развернувшись, направился к выходу.

– Ха-ха-ха, братец, как же ты наивен! Я не устаю удивляться тебе. Да что они могут сделать, твои Боги? Это просто горстка стариков с ограниченной властью! – крикнул Гарнар вслед брату, но Клеонора уже не было.

В исполинском храме на самом вершине скалы, которую со всех сторон омывали белые воды Великого Ничто, окутанные туманом, в мерцании огня с сине-голубым пламенем недвижно восседали семь силуэтов, еще один стоял чуть поодаль. Лица Богов Клеонор различить не мог, их скрывала Тьма, сгустившаяся под капюшонами. Никто, кроме Творца, не видел ликов этой семерки. И сложно было даже предположить, какого облика существа скрывались за той непроницаемой мглой. Сколько лет этим существам и откуда они взялись, также было окутано завесой тайны. Ходили лишь слухи, передаваемые из эры в эру, что их извергло Великое Ничто сразу после появления Творца. И наделило их Великое Ничто властью управления

всеми мирами, но властью ограниченной, данной лишь для контроля над деяниями Творца. Сами Боги созидать не могли.

– Мы тебя ждали, – послышался тихий голос в голове Клеонора.

– Тогда вы должны так же знать, зачем я пришел. – ответил про себя правитель.

– Да. Мы знаем. И мы не меньше тебя озабочены тем, что творится в Верхних Мирах, – отвечал уже другой голос.

– Ну, хоть что-то же можно сделать? – спросил Клеонор.

– Боюсь, что до определенного момента мы бессильны. – ответили Боги.

– Но ведь вам должно быть известно, что Гарнар опять сыграет не честно, и власть опять будет в его руках. Разве это не нарушает Великий Нейтралитет? – спросил Клеонор.

– Мы можем вмешаться, только когда Чаша Весов будет почти до конца перевешана в ту или иную сторону. – ответили Боги.

– И что же мне делать? – произнес вслух Клеонор, словно спрашивая у самого себя.

– Сыграть по его же правилам. – ответили Боги.

– Но...

– Да, мы знаем. Тут выбор остается за тобой. Мы вмешаться пока не можем. Но в твоих силах исправить сложившуюся ситуацию, переступив через свои принципы. – ответили Боги.

Клеонор впал в немую печаль, которая разрывала его изнутри на части. Мыслей в голове уже не было, и даже след их растворился, словно дым от огня. Он вышел из храма, не промолвив не вслух, не про себя ни единого слова Богам на прощанье. Да и кому нужно было это прощанье? Боги всегда незримо присутствовали в каждой частице Мироздания и молча наблюдали.

Выйдя из храма, на Клеонора посыпались миллиарды мельчайших светящихся цветов Найры, что росла в гордом одиночестве на скале. Это дерево можно было найти лишь в трех местах среди сотен миров, и ни одно существо не могло ему навредить: чувствуя приближение темной мыслеформы, дерево окутывалось непробиваемой аурой фиолетового цвета, защищавшей его от любого вредоносного воздействия. Великое Ничто извергло эти деревья вместе с Богами и наделило Жизнью до конца этого Света. В чем их предназначение, Великие Умы Верхних Миров так и не сошлись в едином мнении. Известно лишь наверняка, что один раз в оборот Великой Звезды вокруг своей оси, они цветут миллиардами прекраснейших частиц Света, фиолетово-розового и нежно-голубого цветов, и частицы эти опадают в воды Великого Ничто, и через них проникают во все миры без исключения в виде светящегося дождя, но лишь в Верхних Мирах он различим обитателями, в Низших же остается сокрыт от глаз.

Клеонор, как замороженный, стоял под Найрой, запрокинув голову вверх, подставляя лицо этому волшебному звездопаду. Крохотные вспышки одна за другой зажигались у него на глазах и тут же гасли, освобождая дорогу следующим. Высоко над ними миллионы Галактик мерно дышали этой мимолетной красотой, очарованные зрелищем, как и каждый, видящий происходящее. «Определенно, это прекраснейшее из переживаний – увидеть цветение Найры», – только и подумал Клеонор, после того как последний огонек сорвался с ветвей дерева и, подхваченный ветром, был поглощен водой.

Грусть и сомнения, разрывавшие его еще минуту назад, теперь казались настолько мелочными и глупыми в сравнении с той величественной красотой, которая царила во Вселенной. «Может, в этом и есть цель Найры – просто дарить свой Свет сердцам всех существ, населяющих миры?» – вскользь промелькнуло в голове у Клеонора, который даже не догадывался, насколько же он близок к правде.

– Да вы совсем рехнулись! У вас троих точно с головой не все в порядке. – сказал Расул. – Нормальный человек добровольно на такое не решится.

– Плачу втрое больше. – не успокаивался Аццо. Отчего-то, ему казалось, что денежный вопрос является ахиллесовой пятой уйгура.

– Черта с два! На том свете ваши деньги мне не понадобятся! – ответил Расул, сморщив половину лица в насмешке, отчего на ней образовался ряд морщин, глубоко и неестественно покрывавший лишь левую часть лица. Его глаза засверкали, как у хищника в крошечной тьме, вызывая дрожь у тех, кто видел уйгура в этот момент. Весь его облик на фоне кровавого заката, укутывавшего снежные вершины горной цепи Тянь-Шаня, был словно картиной художника-сюрреалиста, превосходившей рамки обыденности до полной несурзаицы, которая невольно вселяла беспокойство за надежность привычного мира, готового вот-вот рухнуть для прежде беспечной троицы.

Отгоняя мрачные мысли и чувства, которые чередой навалились на ранее прагматичного Аццо, он попытался выдавить из себя улыбку, но она получилась настолько кривой и уродливой, что Эмелина непроизвольно вздрогнула. Собравшись с духом, он выпалил:

– Мне все же кажется, Расул, что ты преувеличиваешь опасность, которую несет Ибэ. Да, конечно, никто из нас в реальности с ним не сталкивался, и на что этот бесноватый ветер способен, знаем только из книжек. Однако... – Шульц перевел дыхание. – Однако, и ты стоишь тут перед нами, целёхонький, и другие очевидцы писали о нем явно не из загробного мира!

На минуту в воздухе повисло молчание. Расул с любопытством, граничащим с полным недоумением, смотрел на Аццо, который про себя уже начал радоваться победе, принесенной неоспоримым аргументом. Что и говорить, выигрывать в спорах он любил больше всего не свете. Ни одно удовольствие мира не было для Шульца настолько желанным и сладким, как осознание непревзойденности своего ума, способного рождать точные и неопровержимые доказательства своей правоты, так изящно и убедительно выстроенные. Но триумфу юного ученого не суждено было длиться недолго, Расул вмиг развеял все его самодовольство:

– Нет, вы определенно самые безмозглые глупцы, каких я только встречал за свою жизнь. Еще ученые! Сам по себе Ибэ не так страшен, конечно. А то, что случилось в самом начале с вашим другом – вы уже и забыли? Не было ли это первым знаком? Но нет, вам же море по колено, такими мелочами вас несуетерных не остановить. Я еще тогда предупреждал – Духи против! Но вы не послушались. И тут, словно в подтверждение моих слов, еще один знак – приближающийся Ибэ. Даже последнему неверующему дураку станет ясно – дело дрянь. Но только не вам. Вы же у нас – другой сорт. Люди науки!

– Позвольте заметить. – неожиданно раздался тихий старческий голос Джона, и все с нескрываемым любопытством и широко раскрытыми глазами тотчас же обернулись в его сторону, – Мы не то чтобы не видим эти знаки, посылаемые, как Вы изволили предположить, некими Духами. Мы скорее не хотим их видеть. Нами движет сила более неудержимая, более властная – сила любопытства, которая не ведает преград и не останавливается ни перед чем в своем стремлении возобладать объектом, на который она направлена.

Расул молчал. Впрочем, как и остальные члены группы, все так же удивленно тараторившие на Джона, который абсолютно никак не отреагировал на вызванное его словами общее оцепенение. Но как бы опомнившись, он невинно спросил:

– Я взял на себя смелость выразиться за всех нас. Вы же не возражаете?

Что и говорить, это тихий старичок со странностями попал в самую точку, и возразить было абсолютно нечего. Даже Расул, который пытался найти все новые и новые аргументы в пользу того, чтобы свернуть обратно, потерялся.

И неизбежность встречи с Ибэ неуклонно надвигалась.

Два солнца как обычно безмятежно светили над Палениусом, одной из четырех главных планет Высших Миров. Первое солнце, что звалось Великой звездой, сейчас находилось в зените и своим ярко желтым светом озаряло мир. Другое, Синяя звезда, расположилось чуть поодаль, и от нее исходило лишь слабое голубоватое сияние. Синяя звезда находилась в десятке световых лет от их системы, оттого виделась совсем небольшой.

Клеонор сидел в саду около своего дворца. При нем цветки Найры опустились в воды Великого Ничто, поэтому сейчас шел светящийся дождь. Его струны мягко ниспадали прямо из космоса, причудливо извиваясь, и окутывали мир своим ажурным покрывалом. Клеонор чувствовал их нежное прикосновение и ту благодать, которая вливается в его сердце. И терзающие прежде его душу сомнения постепенно отступали, а решимость набирала силу. Что ж, раз боги вмешаться пока не могут, он будет действовать сам. Так тому и быть.

Клеонор не раз допускал подобный исход событий, но прежде ему казалось, что он в состоянии решить проблему другим способом. Да что и говорить – надежда всегда умирает последней, и вера в исправление брата вот уже добрых шесть столетий соседствовала в его сердце вместе с безусловной любовью к нему. Клеонор знал не понаслышке о силе упрямства брата, который уже с раннего детства проявлял свою несгибаемость при достижении поставленных целей. Компромисс – не для Гарнара. Он всегда знает, чего хочет, и не готов уступить не то, чтобы брату, даже Творцу он посмеется в лицо, если тот вознамерится препятствовать ему. Это с одной стороны, крайне необходимое качество для правителя. Но все хорошо в меру. Бескомпромиссность Гарнара же переходила все границы и порой была совершенно лишена здравого смысла.

К Клеонору подошел высокий статный человек в черном костюме с абсолютно непроницаемым и лишенным любых эмоций лицом:

– Господин Клеонор, к Вам прибыл с визитом Роррес.

Его голос вывел Клеонора из задумчивости:

– Хм... Интересно, чем обязан его визиту, – сказал правитель вслух, но даже этого не заметил, – Ладно, Обрам, пусть подойдет сюда.

Из дальнего конца сада к Клеонору мерной поступью шагал Ангел. Метра три в высоту с исправной осанкой он чинно вышагивал, сминая траву и сухие ветви под ногами. Ветер раздувал его белоснежные волосы, играясь и резвясь с серебристыми локонами, солнце отражалось в начищенных до блеска доспехах, грозный меч мирно покоился у него за плечами вместе с огромными крыльями. Казалось, что само время замерло при его появлении, и, если прислушаться, можно было даже различить дыхание самого космоса— легкое, эфемерное, едва уловимое.

– Приветствую Тебя, повелитель. – низким, но мягким и мелодичным баритоном поздоровался ангел.

– Здравствуй, Роррес. Присаживайся пожалуйста. Что привело тебя ко мне, дружище?

– Повелитель, я пришел узнать, как прошел Ваш разговор с братом. – сказал Роррес.

Только сейчас Клеонор вспомнил, что обещал сразу же после визита к Гарнару осведомить ангелов о результате их беседы. Хотя никто особо и не верил в то, что Гарнар одумается, каждый не переставал надеяться.

– Эх, Роррес. Я совсем и забыл, дружище, прости... – сказал Клеонор.

– Я так понимаю – беседа прошла безрезультатно? – спросил Роррес.

– Да, ты прав. На иное изначально было глупо рассчитывать с нашей стороны... Я даже к богам ходил, Роррес! Все без толку. – сказал Клеонор и махнул рукой.

– Так и каковы тогда наши действия? – спросил Роррес.

– Каковы... Будем действовать теми же методами, что и мой брат. – ответил Клеонор.

На лице Ангела изобразилось неподдельное изумление.

– Как? Вы? – на секунду он замолчал. – Давно пора было принять это решение. Я Вам говорил.

– Да, дружище, да, Ты говорил...

Оба замолчали. Каждый задумался о своем под тихий шепот листьев, которые колыхались в такт с ниспадающими струями света.

За свою жизнь Расул встречался с Ибэ дважды. Первый раз это случилось, когда он был еще ребенком. Они забежали с друзьями в Джунгарское ущелье, вопреки запретам взрослых, которые были слишком заняты, чтобы постоянно следить за сорванцами. Ибэ застал их там к вечеру. Расул проявил тогда недетскую выдержку и здравомыслие, хоть его ужас и страх были ничуть не меньше, чем у товарищей.

Мальчишек нашли только к вечеру следующего дня, и детям пришлось пережить кошмарную ночь. Ветер завывал, неся с собой тонны песка, отовсюду слышался дикий грохот и рев. Расулу чудилось, будто несметное войско бесов вырвалось из преисподние и теперь несло по земле, сметая все на своем пути, словно саранча, прихватывая заодно и души грешников в адское пекло. Еще чуть-чуть и, казалось, его самого подхватит эта дьявольская процессия и он сгинет с лица земли навек.

Сил Расулу тогда придавала только мысль о том, что он должен позаботиться о младшем брате, который находился сейчас рядом. Он должен быть мужественным и стоять до конца, ради него. За свою жизнь Расул в те часы боялся меньше всего, намного важнее была жизнь маленького братишки, ведь это он, старший брат, затащил его сюда, и теперь он просто обязан все исправить. Расул прикрывал собой брата на протяжении всего времени, пока их не нашли. Чувство отеческой заботы и ответственности за эту хрупкую жизнь сделали в тот день из двенадцатилетнего мальчишки взрослого мужчину.

Брата Расула убили в восемнадцатилетнем возрасте. Его тело принесли трое парней в три часа по полудню. Сказали, что он оступился и сорвался со скалы. То было вранье, Расул прочитал это в глазах убийц. Через пару дней той же смертью погибло еще трое ребят. Расулу было наплевать, в сущности, на причину, по которой эти ребята убили его брата, которого он любил больше всего на свете. Вся община прекрасно понимала суть происходящего, и никто не вмешивался.

После этого случая за полгода Расул не обронил ни слова, редко попадался на глаза, бродил, словно призрак по пустыне, похудел так, что кости проступали. Затем в один из осенних дней, как раз, когда ожидался приход Ибэ, Расул появился в деревне. Глаза его сверкали, походка была твердой, спина выпрямилась, он словно ожил, хоть и выглядел как скелет. Что с ним произошло, Расул никому никогда не рассказывал. Один лишь дряхлый старик, который

после ста двадцати лет перестал вести счет годам, улыбнулся своей беззубой улыбкой и пробормотал: «Это Ибэ его вернул к жизни!» Никто, конечно, не предал значения словам старика, который одной ногой был на том свете. Потом вся эта история благополучно забылась, и мир тихо окутал эту маленькую деревушку, все вернулось на свои круги.

И вот сегодня, по воле случая, Расулу предстояло в третий раз столкнуться с Ибэ. Он смотрел на горы Тянь-Шаня, где багряные облака сливались с заснеженными вершинами, и память рождала давно ушедшие картины. Ему не хотелось признаваться себе в том, что его нежелание сталкиваться с Ибэ связано вовсе не со страхом перед стихией. Отнюдь. И пусть с тех пор, как погиб его брат, прошло уже с десятков лет, ране в сердце безразличен ход времени. Расул прекрасно понимал, что нельзя оборачиваться назад, надо жить здесь и сейчас, отпустить ушедшее и смотреть в будущее, что он и пытался делать изо всех сил. Но эта чертова рана ныла каждый раз при воспоминании о брате, и он не мог ничего с этим поделать.

И теперь рок снова сталкивает его с Ибэ. Что на сей раз принесет этот ранее благосклонный к нему ветер? Тот ветер, что не знает пощады, не терпит малодушия, изгоняет слабости или забирает с собой. Расул не знал. Одно только ему было известно наверняка: Ибэ принесет с собой воспоминания. Он столкнется лоб в лоб с тем, что годами зарывал в себе, что так глубоко пытался запрятать, и он либо избавится от этого раз и навсегда, либо... Либо Ибэ заберет его с собой.

То ли лицо степного вояки выдало его тяжелые мысли, то ли простое совпадение, но Уоллес вдруг с таким сочувствием и состраданием посмотрел на Расула, что, казалось, видел насквозь уйгура, даже то, что Расул никому и никогда не рассказывал. Расулу стало не по себе от этого проникновения в его душу, и прежнее впечатление об этом старике со странного сменилось на пугающее, ибо нет такого человека, которому было бы приятно, когда в нем, в его мыслях и душе, копаются без разрешения. Джон тут же перевел взгляд в прежнюю точку на горизонте, приняв привычное безмятежное выражение лица, что еще больше вызвало подозрение у Расула.

«А что, если этот безумный старикашка и правда умеет читать мысли и копаться в чужих головах? Сказки сказками, но... старик и правда странный какой-то. Вот Шульц к примеру – другое дело. Придурковатый малость, но, глядя на него, никогда бы не подумал, что в нем есть что-то сверхъестественное. А Уоллес... с самого начала как-то ненормально себя ведет. Сидит себе в стороне, улыбается все время, и вид у него... как будто только тело его здесь, а сам он – не пойми где витает. Тьфу ты черт, пора прекращать думать всякую ересь! А то тут уже и в собственной голове может быть не безопасно». И Расул, словно партизан, для проверки из-за плеча посмотрел на Уоллеса, но тот не подавал никаких признаков своей осведомленности происходящим во внутренней жизни уйгура. «Специально виду не подает», – только и подумал Расул, привыкший ждать удара в спину.

Но время двигалось к ночи, а Ибэ неуклонно приближался. Это обстоятельство вернуло Расула к действительности, и тот, спохватившись, стал раздавать указания. В первую очередь, необходимо было найти надежное укрытие на ночь. Так что все занялись поиском грота или выступа в скалах. К счастью, в Джаире в каменистых склонах много небольших пещерок и ниш, которые создает в твердом граните механическое и химическое выветривание. Как раз группа таких странных впадин находилась рядом, и в них легко могли расположиться на ночлег люди и даже их животные.

Роррес своим обычным размеренным шагом продвигался по улицам Мерноса. Дороги были пусты, ведь все сейчас находилось в главном храме на празднестве в честь вхождения Великой Звезды в новый цикл. Ангелы, как правило, не участвовали в общественной жизни Верхних миров. Они представляли собой обособленную структуру, где царили свои порядки и устои. Да и вообще, ангелы редко попадались на глаза обычным существам, и предпочитали скрываться ото всех, входя в непроявленное состояние.

Этим умением были наделены лишь ангелы. Они могли на какое-то время становиться совершенно невидимыми и неосязаемыми ни для кого, пребывая в состоянии чистого сознания. Действие этого умения длилось ровно столько, сколько энергии было у ангела. Но без надобности ангелы редко им пользовались.

Вот и сейчас Роррес в открытую прогуливался по опустевшим улицам города, чего он давненько не делал, и под ногами этого трехметрового гиганта земля содрогалась, точно также, как и его душа от мыслей о предстоящем сражении. Роррес прекрасно понимал нежелание Клеонора вмешивать в их междоусобную битву за власть земных людей. Он разделял принципы своего правителя. И будь иной выход, хоть какой-то альтернативный способ – Роррес никогда бы не согласился на то, чтобы прибегнуть к таким мерам. Да и сам Клеонор вряд ли пошел бы на это при малейшей возможности избежать подобного хода событий. Их правитель, как никто другой, следовал голосу своей чести, за что его и любили, и уважали.

Пять земных столетий назад пространственные врата переместили из Низших миров одного человека, как раз во время Великой битвы за Власть в Высших мирах. Вояки Гарнара привели этого чужака к правителю Тэзреала. Тот, недолго думая, и нисколько не заботясь о жизни человека, решил посмотреть, окажет ли силовое поле Священного Артефакта на него то же воздействие, что и на существ из Высших миров. Результат оказался впечатляющим. У человека обнаружился иммунитет к воздействию этого поля, что в общем-то, неудивительно, поскольку оно не было рассчитано на то, что землянин будет принимать участие в битве. Гарнар приказал человеку достать из силового поля Священный артефакт. Однако человек потребовал кое-что взамен. Для Гарнара исполнить просьбу человека при условии получения власти не составляло никакого труда. Однако вмешиваться в жизнь Низших миров без особой надобности правителям Верхних миров не разрешалось по Негласному договору Мирной Тишины. Но Гарнар, получив Священный Артефакт, и как следствие – власть и в Высших и Низших мирах, нарушил сразу два правила: привлек в междоусобную битву человека, и дал ему нечто, что нарушило баланс сил на самой Земле. Хоть нарушение Негласных правил было налицо, Боги никак не вмешались, ведь Гарнар действовал умно, и Чаша Великих Весов Равновесия никогда не смещалась до критического уровня.

Не сказать, что Роррес плохо относился к Гарнару. Он по-своему уважал его. Однако не разделял подобного отношения к Мировому порядку. Да и вообще, кодекс чести Клеонора всегда ему был ближе, впрочем, как и всем ангелам, оттого они и стояли на стороне правителя Аэлеоргеса.

Два брата до последних событий ладили достаточно хорошо, пока рок не преподнес в период последней битвы такой сюрприз. Надо сказать, что никто до тех пор даже и не догадывался о существовании подобных Пространственных Врат, даже Великим Умам не было о них известно. При дальнейшем изучении этого феномена было выяснено, что врата открываются каждые пять земных столетий, как раз в тот период, когда начинается Великая битва за Власть в Высших мирах. Люди, оказавшись в нужный момент в определенном месте – моментально переносятся в Высшие миры.

Почему же раньше подобного не случалось, Великие Умы объясняли лишь тем, что в период открытия Врат на земле поднимается страшная буря, которая или отпугивает, или уничтожает людей. Человек сам старается даже не приближаться к тому сакральному месту, а если волей случая его туда и заносит, то инстинкт самосохранения велит укрываться подальше от

страшной стихии. Посему землянин не попадает в нужную точку для того, чтобы стало возможным перемещение, ведь место это располагается в самом эпицентре бури.

Вообще, Роррес часто наблюдал за людьми. Помимо ангелов это могли делать только Создатель и правители Верхних миров. Но ангелы могли слышать музыку сердца людей, в отличие от правителей, оттого они глядели намного глубже и знали о душе человеческой намного больше самих правителей. Клеонор часто беседовал с Рорресом на эту тему, проявляя нескрываемый интерес к тому, что происходит в душе людей. Ангел охотно рассказывал своему правителю о том, что довелось ему наблюдать: о противоречиях, что терзают людей, разъедая их изнутри, о внутреннем одиночестве, о страданиях, которые человек сам себе создает, о сомнениях, разрывающих на части.

Ангел видел огромный потенциал людей, гигантскую силу, заточенную в их сердцах, которую они совсем не использовали, и всегда искренне сопереживал им. Ангел чувствовал, что должен и может им помогать, и посему порой он посещал людей, приходя к ним или во сне, или в сумраке ночи и принося с собой безмолвную благодать. И он был такой не один. Все ангелы не могли оставаться безразличными и являлись к человеку испокон веков, в результате чего люди верили в ангелов как в святых существ, проявление любви и добра, помощи и сострадания. И с течением времени все чаще в своих молитвах стали взывать к ангелам, прося покровительства, или хотя бы – простого прикосновения крыла, которое наполняло сердце благоговением.

Ангелы всегда слышали зов людей, их мольбы и плачь. Люди искренне страдали в своем несчастье, придуманном ими самими. «Прошу Тебя, ангел-хранитель, помоги мне, пусть я выздоровею!» – взывала к ангелам не так давно одна девушка. Она была совершенно несчастна. Роррес знал, что болезнь в человеческом теле очень беспокоит людей. Он видел, что причиной этого беспокойства является скорее их суетливый ум, чем сама болезнь.

В Верхних мирах все с рождения знали: то, что воплощается в материальной форме – всего лишь мысль, которая становится реальностью, только если на неё обратить свое внимание, и становится важной, только если ей придать значение. Как только существо дает мыслям волю, лишая их своего осознанного контроля, они уводят его в темный лес своих иллюзий, ввергают в состояние обреченности и запирают его сознание в темнице отчаянья. И ангел решительно не понимал, отчего люди не замечают столь очевидного пагубного воздействия неконтролируемых мыслей.

Роррес шел, тяжело ступая, и думал о последствиях, к которым может привести повторное привлечение людей в их битву. Он уже давно наблюдал за группой людей, которая неуклонно приближалась к месту, где должны открыться врата. Из этой четверки только один мог бы согласиться встать на сторону Клеонора. У двоих сердца были окутаны слишком непроницаемой пеленой мрака. Душу четвертого же он не мог прочесть просто потому, что в ней не было ничего – пустой лист: ни мыслей, ни чувств, так что и рассчитывать на него он бы тоже не стал.

Гарнар также знал об этой четверке, однако у него не было преимущества, которое давали ангелы Клеонору – он не видел того, что творилось в душе у этих людей. Хотя его, должно быть, это весьма мало беспокоило. Гарнар всегда был слишком самоуверен, к тому же глубоко убежден в том, что у каждого есть цена, своя, но есть. И он предложит каждому исполнение его самого заветного желания, любого, пусть даже самого невероятного, ведь он, будущий владыка миров, сможет сделать абсолютно все. Кто-то определенно да согласится. Эти двое уж точно будут на стороне Гарнара. У Клеонора остается одна надежда. Но что предложит правитель Аэлеоргеса взамен человеку?

Роррес был почти уверен, что Клеонор не пойдет на исполнение любого желания человека, ведь он свято чтит Негласные правила и не исполнит то, что повлияет пусть даже косвен-

ным образом на баланс сил. Что ж, одно время покажет, что будет. А пока, думал Роррес, надо заняться подготовкой ангелов.

Гарнар выставит в предстоящем сражении свое несметное войско из ведьм, драконов, балгоширов и протуберейцев. И это при условии, что во время своих путешествий по галактикам, он не нашел еще каких-нибудь диковинных тварей, как было в случае с протуберейцами в последнюю битву, ведь никто раньше даже и слухом не слыхивал о существовании этого огненного вида, населявшего дальние звезды их галактики. И не удивительно, ведь никому и в голову не приходило, что на звездах может хоть кто-то обитать. Каким образом Гарнар встретился с протуберейцами, он держал в тайне.

Подобная скрытность вообще была в духе правителя Тэзреала, особенно в случаях, вызывавших всеобщий интерес и недоумение. Он любил шокировать, любил изумленные и восхищенные взгляды, рождаемые истерзанным любопытством обывателей Верхних миров. Безусловным достоинством Гарнара в глазах Рорреса была его смелость и нетривиальность подхода, он не шел проторенными путями, искал все новые и новые решения для своих идей, которые по началу казались безумными, не боялся остаться непонятым и не признанным. Клеонор, в отличие от брата, старался угодить своим верно поданным, но отнюдь не из-за корыстных побуждений, просто именно в служении своему народу видел смысл правления как такового, поэтому его всегда заботило мнение масс. И надо отдать должное за это Клеонору, ведь в конце концов, правитель на то и выбирается, чтоб представлять интересы народа.

Когда Роррес подошел к дому, Великая Звезда давно скрылась за горизонтом, лишь Синяя Звезда, подходившая к горизонту, еще скудно освещала своим тусклым светом землю. Ангел любил эти минуты, когда мир, окутанный слабым голубоватым светом, дышал вселенской тишиной, и Роррес мог слышать его сердцебиение, размеренное и величественное. Оно эхом отражалось в каждой фибре души ангела, напоминая о сакральном единстве их существования.

Окрестности главного храма окутывал туман. Роса своими кристально чистыми каплями обрамляла цветы, так что пришедшие были мокрые по пояс, правда этому обстоятельству никто не придавал ни малейшего значения. Все с трепетом ожидали своей вступить в Главный храм, который неподвижно висел в воздухе над землей. Дорога, ведущая в святую обитель, появлялась лишь в день вхождения Великой Звезды в новый цикл. В другое время жители Верхних миров не могли попасть в это грандиозное сооружение, даже видеть его редко представлялось возможным, ведь храм скрывался от любопытных взоров среди облаков. Сейчас же он блистал во всей своей красе: величественный, со множеством причудливых башен, своими исполинскими размерами он захватывал дух, его хрустальные стены отражали лучи солнца, преломляя их всеми цветами и рождая сотни радуг. Дорога, ведущая ко входу в храм, казалось, была соткана из облаков и тянулась на сотни метров, зависая над землей. К этому захватывающему дух зрелищу жители Верхних миров привыкнуть не могли.

Храм, как ни странно, вмещал в себя всех жителей Аэлеоргеса. Отчасти из-за его огромных размеров, отчасти потому, что обитателей было не так уж и много. В отличие от Низших миров, в Верхних численность населяющий существ была значительно меньше, а вот продолжительность жизни в разы превосходила человеческую. Среднестатистический обитатель Верхнего мира жил более тысячи лет.

– Мама, мама смотри! – послышался вдруг детский возглас, и все рядом находящиеся, помимо самой матери девочки, посмотрели в ту сторону, которую указывал ребенок. Справа от процессии, по равнине, усеянной цветами, продвигалась стая бранденбергов из 15-20 особей.

Явление крайне редкое, если не сказать, что вообще ни разу не случавшееся, поскольку животные эти – одиночки, редко собираются в группы, разве лишь в период размножения, и на глаз, как правило, стараются не показываться лишней раз. Сейчас же эти огромные, неповоротливые существа, ни капли не боясь, и даже отчасти демонстративно вышагивали по полю, сминая своей тучной тушей цветы, траву и мелкие кустарники, и казалось, попадись на их пути лес – его ждала бы та же участь.

Что же их подвигло на столь отчаянный переход, и вообще куда они двигались – вопрос, полностью занявший головы видевших это странное зрелище. Сам Клеонор, старавшийся не выдавать своего присутствия и по возможности передвигаться среди процессии инкогнито, ошеломленно наблюдал за шествием нелепых зверей, забыв о конспирации.

Вдруг животные с фырчаньем замерли, подергивая лишь огромными ноздрями, и – вмиг исчезли, оставив после себя только смятую траву и ошарашенные недоумевающие лица обывателей Аэлеоргеса. После затянувшегося оцепенения, Клеонор, придя в себя, почему-то не на шутку обеспокоился. Конечно, за бранденбергами никто никогда не замечал агрессивного поведения. Да и весьма маловероятно, что их как-то можно было использовать в предстоящей битве. Однако, не смотря на эти соображения, интуиция подсказывала Клеонору, что дело тут не чисто. Сами бранденберги не обладали способностью телепортации, а никаких порталов рядом не было, насколько знал Клеонор. Так что же или кто переместил этих животных, куда и для каких целей? Эти вопросы так сильно обеспокоили правителя, что он свернул с тропы в Главный храм, и, стараясь не вызвать лишнего внимания (чего у него, к слову сказать, так и не получилось), напрямик отправился к ангелам.

– А где Роррес? Он что же, еще не приходил? – первым делом поинтересовался Клеонор, когда добрался в Лергос, невидимую обитель ангелов. На своем Элеопее, крылатом змее, правитель долетел за считанные мгновенья до ангелов, в том время как Роррес еще разгуливал по Мерносу.

– Нет, правитель, Рорреса еще нет. Что-то случилось? У вас такой обеспокоенный вид. – спросил Опрес, лучший друг и товарищ Рорреса, продолжая между делом колдовать над своим арбалетом.

– Да, Опрес. Что-то совершенно мне непонятное и оттого – пугающее. Прошу тебя, как Роррес появится, оповести его о моем визите. – попросил Клеонор.

– Хорошо правитель. Будет сделано.

– Я пока у вас тут расположусь? – спросил Клеонор.

– Правитель, что за вопросы. Вам все можно!

– Нет, нет, Опрес. Это все же ваш дом, я не хотел бы злоупотреблять своим положением. . .

– Ну что вы, право. Помимо того, что вы наш правитель, вы еще и просто наш друг. Так что даже в голову не берите. – сказал Опрес сквозь зубы. Ложь ангелам давалась с трудом.

– Спасибо, Опрес. – ответил Клеонор, совсем не заметив противоречивых чувств, терзавших Опреса.

Лергос находился на небольшом островке, висящем в воздухе среди облаков, образующихся в результате испарения воды, постоянно вытекающей из ручьев, которые тысячами пронизывали землю. Остров с располагавшимся на нем городом был виден только самим ангелам, правителю, чью сторону они поддерживали, и Богам. Подобная скрытость имела место быть, поскольку ангелы пользовались своего рода неприкосновенностью. Хотя в Высших мирах насилия как такого не было, всегда предполагалось появление того, кто захочет пренебречь ради власти Негласными правилами о Нейтралитете и пойти войной на ангелов в том числе, поскольку они всегда представляли значимую силу в Верхних мирах.

По периметру острова в его воздушном пространстве были раскиданы хрустальные звездные тетраэдры, служащие ангелам местом для отдыха, где они пополняли свой энергетический запас. Сам остров утопал в зелени вечно цветущих деревьев и кустарников. В его центре располагался Источник Вечной Жизни, питавший парящий остров. Со стороны никогда нельзя было бы догадаться, что в этой крошечной перламутровой бусинке, которая мирно покоилась в лепестках сайнуры⁵, содержится такая грандиозная сила. Домов как таковых у ангелов не было. Единственное сооружение, присутствовавшее на острове, – храм Тысячи солнц, где в основном проходили все собрания. Для тренировок ангелов на острове было отведено специальное место, представляющее из себя поле, окруженное тысячелетними деревьями аргулы⁶.

Клеонор уселся на самом краю острова и с беспристрастным выражением лица, которое остро диссонировало с его внутренним состоянием, и наблюдал за миром внизу. Вселенная словно испытывала его. Насколько хватит его сил? Он никогда не рвался в правители, ему было достаточно простой жизни обывателя Высших миров. Он любил каждый миг, каждый восхитительный миг, что подарила ему жизнь, простодушно восхищаясь красотой Мироздания.

В детстве каждый вечер он сбегал подальше ото всех, на самую высокую скалу, усаживался, как сейчас, на самом краю, и наблюдал. Наблюдал, как листья колышет ветер и как на них отражается свет заходящих солнц, как сквозь порозовевшие облака все различимей становятся миллиарды звезд на небе, и сотни галактик, самых причудливых форм и расцветок, недвижно дышат Покоем, наблюдая за ним самим. Да, ему казалось, что он чувствует их взгляд, нежный, ласковый, он напоминал взгляд его матери.

А вот и три вечных спутника их планеты уже показались из-за горизонта, самые верные и преданные его друзья. Он всегда их встречал, здоровался и разговаривал, они отвечали ему, не словами, но тишиной, в которой было больше ответов, чем требовалось. И все вокруг замирало... Он больше не отделял себя от мира, он растворялся в вечном покое и благодати. Но вот однажды в их дом явился жрец, и сказал, что им с братом уготована участь стать правителями Высших миров: Клеонору править в Аэлеоргесе, а Гарнару – в Тэзреала.

Изначально власть в Высших мирах пришлось разделить надвое по причине того, что обитаемые планеты разделились на две группы по отдаленности друг от друга. Палениус и Мернос располагались в одной части Галактики, Орнус и Фраген – в другой. Но в последствие, когда Создатель ввел битву за священный артефакт, дававший полную власть в Высших и Низших мирах, подобное разделение приобрело другой смысл. Хотя действия правителей при надобности регулировались Богами (правда, все и так соблюдали Негласные правила по долгу чести), развернуться все же было где, и каждый хотел осуществить свои замыслы, во благо миров или личного характера – не важно, у каждого были свои желания, и каждый с особым энтузиазмом боролся за артефакт, сражение за который к тому же представлялось весьма увлекательным и поистине захватывающим мероприятием.

Гарнар был первым, кто нарушил Негласные правила, используя земных людей в Священной битве. И Клеонор чувствовал, что это было только начало. Он знал брата, как никто. Да, зла в его сердце как такового не было, но слишком уж он был своенравным, не признавал никакой власти над собой. Клеонор боялся, что стремление брата к полной независимости, может привести к плачевному исходу.

Наконец, когда два солнца окончательно скрылись за горизонтом, отдав пост своим спутникам, послышался голос Рорреса:

– Правитель, долго Вы тут меня ждете?

Клеонор, даже не обернувшись, ответил:

⁵ Небольшой цветок синего цвета в Высших мирах, распускающийся только раз в 1000 оборотов Великой звезды вокруг своей оси, из его нектара готовится напиток для инициации правителей

⁶ Дерево в Высших мирах, достигает в высоту около 10 метров, и живет в среднем 5000 лет

– Сядь, пожалуйста, рядом.

Стараясь не подавать встревоженного вида, ангел уселся рядом.

– Роррес, когда я был около главного храма, на церемонии, случилось кое-что очень странное. – Клеонор выдержал паузу. – Стая бранденбергов до двадцати особей, прошла рядом с толпой и исчезла.

– Но они же...

– Да, Роррес, я знаю. Именно поэтому я тут.

Роррес нахмурил свои густые белые брови и уставился в даль:

– Вы думаете, это Гарнар?

– Другого варианта у меня пока нет, Роррес, поэтому я и пришел к тебе, посоветоваться. – ответил Клеонор.

– Но зачем они ему? Это же совершенно безобидные животные. – спросил Роррес.

– Эх, как бы я хотел знать ответ на этот вопрос. Но неспроста все это накануне битвы...

– Возможно, мы просто слишком мало знаем об этих животных. А Гарнар... Вы же его знаете, он горазд на выдумки, постоянно чего-то ищет... – предположил Роррес.

– То-то и оно. Но чего он ищет? А точнее – для каких целей?

– Для победы в битве, наверняка. – ответил Роррес.

– Если бы только для этого...

– Что Вы имеете в виду, правитель? – спросил Роррес, боясь даже подумать о том, о чем думать нельзя.

Клеонор на минуту замолчал, и, понизив голос до шепота, сказал:

– Боюсь, что он может посягнуть на место Богов...

Ужас отразился на лице ангела. Но, взяв себя в руки, он попытался обратиться к голосу разума:

– Да нет, не может этого быть. Боги бы первыми узнали об этом и помешали любым способом.

– Роррес! Ты слишком чист, чтобы думать об этом и не все знаешь про Гарнара. У него... у него есть одно свойство с рождения, дар, ниспосланный свыше – его мысли сокрыты ото всех непроглядной пеленой. В том числе и от Богов...

– Как? И даже от Создателя? – уточнил Роррес.

– Роррес, мой милый друг. Ты лучше моего знаешь, что Создателю совсем на это наплевать. Чем и хочет воспользоваться Гарнар. – ответил Клеонор.

– Ладно. Допустим его мысли Богам не доступны. Но Ваши-то они видят. А значит, понимают, что можно ожидать от Гарнара. – заметил Роррес.

– Чего ожидать может и представляют. Но ты же знаешь их табу, они не могут вмешаться раньше времени. – сказал Клеонор.

– Допустим. Но у них же неприкосновенность. Они неуязвимы!

– Это мы так думаем. Возможно лишь потому, что никогда не углублялись в поиски бреши в их защите. – сказал Клеонор полусшепотом, пугаясь собственного голоса.

– То есть Вы хотите сказать, что возможно Гарнар долго и упорно искал уязвимые места Богов и теперь готовит их свержение? Но для чего? – спросил Роррес.

– Для того, чтобы взять власть только в свои руки, чтобы избавиться от вечного контроля Богов...

– Но это же может привести к воцарению крошечного Хаоса.

– Именно. Только Гарнар слишком уверен в непогрешимости своих деяний. Он наивно полагает, что сможет контролировать все не хуже, а то и лучше... Ему нужен свой порядок. – сказал Клеонор.

– И то верно, правитель... – подтвердил Роррес.

Огромный предводитель ангелов и совсем небольшой на его фоне правитель Аэлеоргеса сидели на краю парящего в облаках острова, молча смотря в пространство перед собой. Каждый понимал, к каким последствиям может привести свержение Богов, если опасения Клеонора подтвердятся. И каждый осознавал всю ответственность, которая ложилась на их плечи. Нужно было что-то предпринимать.

– Что бы ни задумал Гарнар, для осуществления замыслов ему необходим священный артефакт, люди, и бранденберги. Получается так?

– Вероятнее всего, да. Я думаю, что в прошлую битву, когда у него гостили земные люди, он что-то заметил, нечто примечательное, что дало ему надежду на возможность осуществления своей вожденной мечты о независимости. И, вполне вероятно, что его надежды оправдались, и тогда он попытается осуществить свой план в момент активации артефакта. – предположил Клеонор.

– Мы выиграем эту битву, правитель, не сомневайтесь. – сказал со всей уверенностью Роррес.

– Нам не дано знать это наверняка, мой друг. Но вот что сражение обещает быть жарким – это точно. Как твои ангелы? Готовы? – спросил Клеонор.

– Да, правитель. Вы же нас знаете! Но я еще думаю, что пришло время использовать одно тайное средство... – сказал Роррес.

На лице Клеонора изобразилось неподдельное удивление. Ни о каком «тайном средстве» он ранее не слышал. Более того, он и представить не мог, что ангелы хранят еще какие-то тайны.

– Понимаю Ваше удивление, правитель. Пойдемте, я Вам кое-что покажу...

Вскоре они оказались в храме Тысячи солнц, перед сакральным изображением Древа Жизни.

– Определенные слова, сказанные ангелом, перемещают его в особое измерение. Этот параллельный мир был создан когда-то очень давно нашими предками. Дайте мне Вашу руку, правитель.

Роррес наклонил голову вниз и прошептал слова на совершенно незнакомом Клеонору языке. Правитель Аэлеоргеса знал наречие ангелов довольно хорошо, но этот язык имел с ним мало общего, как и любой другой язык Верхних и Низших миров. «Правлю в Верхних мирах вот уже больше половины Эры, а сейчас открывается столько всего, чего я еще не знаю», – только и подумал Клеонор, прежде чем они исчезли из храма и появились на том же острове, только совершенно пустом.

Вся поверхность острова была покрыта высокой серебристой травой, которую гнул космический ветер, оттого казалось, будто волны одна за другой приводят в движение причудливую морскую гладь. Клеонор огляделся по сторонам. Повсюду мерцали миллиарды звезд и сотни галактик и сам остров оказался парящим в открытом космосе.

– Но здесь же совсем ничего нет! – с недоумением воскликнул Клеонор.

– Нет ничего из того, что можете увидеть Вы. Мы же видим несколько больше. – сказав это, Роррес направился к краю острова. Остановившись на полпути, он вдруг протянул руку, как будто желая что-то взять, и тут медленно стали вырисовываться очертания серебристой чаши, которую крепко сжимал ангел. Он подошел ближе к Клеонору, чтобы тот смог заглянуть внутрь. Внутри в самой обычной голубой воде беспорядочно кружились миллионы светящихся микросфер.

– О существовании этого напитка знают только предводители ангелов. Он был создан для тех времен, когда мир окажется под угрозой. – сказал Роррес.

– И что же он делает? – спросил Клеонор.

– Он наделяет ангелов огромной силой, умениями, дающими небывалое превосходство над любым противником, кем бы он не был. – ответил Роррес.

– И какими же, например, умениями?

– Правитель, должен признать, что я не знаю. Его никогда никто до этого времени не употреблял, а предки оставили лишь общее описание. – признался Роррес.

– То есть ты даже не уверен, подействует ли он? – уточнил Клеонор.

– Ну что Вы! В этом я как раз абсолютно убежден. – ответил Роррес.

Клеонор тяжело вздохнул и заметно поник. Роррес на минуту было дал ему новую надежду. А теперь... Кто знает, может это обычная вода? Может, таким образом просто проверялась выдержка и ответственность предводителей? Надо было срочно возвращаться к более реальным делам.

– Правитель, Вы что, сомневаетесь в её силе? Вы мне не верите? – спросил Роррес.

– Роррес, тебе-то я верю, и тому, что ты веришь в мощь этой воды, я тоже верю. Но её сила слишком туманна и неясна. Нам нужно думать о более реальных вещах... Или ты можешь сейчас опробовать её воздействие?..

– Увы, правитель... Предание гласит, что только в нужный час вода даст силу, необходимую для победы над противником, кем бы он ни был.

– Да, слишком все сомнительно... Давай возвращаться, Роррес.

– Не огорчайтесь Вы так. Вот увидите, она не подведет, когда настанет решающий момент.

Роррес поставил чашу на невидимую поверхность, после чего та немедленно исчезла из виду, взял Клеонора за руку, произнес тоже заклинание, и они очутились дома.

За окнами шел первый дождь после засухи. Капли воды падали на иссохшую почву, стекая сначала в трещины, которые постепенно наполнялись и образовывали повсюду небольшие лужицы. Вода не могла сразу проникнуть в затвердевшую от сильного зноя землю, но понемногу, медленно пропитываясь влагой, почва размокала, и вода стала поступать в её глубь, давая жизнь растениям. Все обитатели Орнуса вышли из домов, чтобы подставить свои лица долгожданному дождю. Лишь Гарнар без особого интереса наблюдал за движением капель воды по стеклу, сидя в своем кресле в тронном зале.

Со стороны сложно было сказать, о чем он думал, ведь его лицо редко говорило о сокровенном. Еще в детстве, когда он впервые понял, что его мысли не доступны даже Богам, он стал упражняться в самоконтроле, чтобы его тело не выражало того, до чего не может достучаться никто во Вселенной, и он достиг больших высот в этом искусстве. Но все же оставалось одно существо, способное предугадать ход его мыслей и намерений – это был его брат.

Клеонор не умел заглядывать в души, он не анализировал язык тела, он просто чувствовал брата, он просто знал его, оттого Гарнар боялся Клеонора. И сейчас, когда его цель так близка, когда оставалось только дожидаться нужного часа и протянуть руку, Гарнар знал, что брат может помешать ему. Не потому, что Клеонор не любит его, не потому, что так страстно хочет власти сам, и даже не потому, что хочет выслужиться перед Богами.

Брат был слишком труслив, на взгляд Гарнара, и предпочитал придерживаться устоявшегося порядка. Мысль о том, что им с братом придется строить новый мир, пугала Клеонора

не вероятностью неудачи, не возможностью проколов, и даже не тяжким грузом ответственности, которая бы легла на их плечи. Гарнар знал брата так же, как тот знал его. Они были противоположностями, но не черным и белым, не хорошим и плохим, ведь в их мирах не было как такового зла. Активное и пассивное в полной мере проявили свою сущность в этих братьях: Гарнар был наделен мощью движения и изменений, а Клеонор – обладал тем спокойствием, за которым стояла сила тишины Вечности. Гарнар часто спрашивал себя, почему именно их с братом выбрали для правления? Ведь те, кто сделал именно такой выбор, наверняка видели их диаметрально противоположную суть. Гарнар не знал ответа на свой вопрос, но был твердо уверен в том, что не отступится от своих намерений. Поэтому сейчас необходимо было просчитать сценарий, в котором Клеонор попытается всячески помешать ему исполнить намеченное. Вдруг в огромную резную дверь из синего дерева аргулы кто-то постучал.

– Войдите, – громко прокричал Гарнар, – чего уж там, раз пришли... – добавил он, чуть понизив голос.

Гость вошел. Своды дверного проема немного не доставали до его головы. На лице Гарнара, вопреки его обычному самоконтролю, изобразилось удивление.

– Ты?..

Аццо с Эмелиной расположились в одной небольшой пещерке, Расул с Джоном рядом в другой. Лошадей и верблюдов развьючили и укрыли в соседних нишах. Пыльное облако вдалеке говорило о скорой встрече с Ибэ.

– Сколько времени вам нужно, господин Шульц, чтобы насладиться силой стихии? – язвительно прокричал Расул, хотя его совершенно не интересовал ответ, поскольку он в любом случае покинул бы это место к вечеру следующего дня, несмотря ни на что.

– Думаю, дня вполне будет достаточно, – не заметив ноты сарказма в голосе уйгура, ответил Аццо.

– Какое счастье, господи! Вы все же решили дать нам шанс не сгинуть с этого света! Вы точно определились? Может, на недельку тут останемся? Чем не отдых? Лошади как раз к этому времени совсем обесселят, да и мы, впрочем, будем в похожем состоянии. – язвил Расул.

– Расул, боже мой! Я прошу тебя. Мы же уже обо всем договорились! – Аццо был не в настроении.

– Рано к богу обращаетесь! Ладно, вы как хотите, а я попробую поспать под это дикое завывание. Всем спокойной ночи, господи. И пусть вам приснятся волшебные сны! – сказал Расул, демонстративно отвернувшись к каменной стене и засопел.

И буквально через несколько минут снаружи послышался дикий гогот, завывания, шум, грохот, будто несметное полчище самих бесов неслось через ущелье. Можно было различить и пушечный залп, и крики раненых и стук копыт. «Ничего, это всего лишь ветер», – подумал Расул, и тут же заснул, в отличие от других членов группы, которым не удалось так же благополучно погрузиться в сон.

– Боже мой, Аццо! Все-таки зря мы не послушались Расула. Такое чувство, будто мы попали в самый ад! Мне так жутко никогда не было... – пролепетала испуганная Эмелина, прижимаясь сильнее к Шульцу.

Но тот не замечал ничего. Он как загипнотизированный уставился на пелену песка, пыли и мелких камней, которые нес с собой ветер, как будто пытаясь что-то разглядеть в глубине, и вид у него был совершенно безумный: глаза сверкали неестественным блеском, кончики губ

были слегка приподняты, взгляд неподвижен. «Надо было остаться с Расулом», – подумала Эмелина и, закрыв глаза, стала пересчитывать барашков, безмятежно прыгающих через забор.

Джон тоже вскоре заснул, свернувшись калачиком. Не спалось одному Аццо, который за всю ночь не сомкнул глаз не на минуту. Буря необъяснимым образом притягивала его. Он чувствовал, что в своей глубине она скрывает нечто, способное из обычного человека сделать великого завоевателя. Пусть его догадки были абсолютно антинаучны и неприемлемы для ученого его уровня, он откуда-то знал наверняка: это благодаря походу через Джунгарские ворота Чингиз хану удалось стать величайшим властителем Азии.

Аццо ни с кем не делился своей уверенностью, ибо его посчитали бы безумцем, да и ко всему прочему, Шульц вовсе не хотел, чтобы это нечто вдруг досталось кому-то еще. Поэтому пришлось подделать пару старинных китайских рукописей, чтобы уверить научное общество, что в Джунгарских воротах могут быть сокровища, оставленные и самим Чингиз ханом, и многими купцами, которые во время существования Великого Шелкового Пути не раз бросали свои караваны, пытаясь спастись от дьявольского ветра, вселявшего дикий страх и ужас в их души.

Йенский университет, в котором как раз трудился Аццо с Карлом, на тот период был очень заинтересован возможностью открытия исторических сокровищ, оттого без промедления началась организация этой экспедиции. Эмелина была внебрачной дочерью одного из профессоров с их кафедры, как раз приехавшая погостить к отцу из солнечной Испании, и, услышав его разговоры о предстоящей экспедиции в Джунгарию, тут же загорелась этой идеей. Благо сама она училась на историческом факультете, оттого капризы дочери профессор как-то смог обосновать и, хоть и пришлось приложить немало усилий, договорился о включении её в состав экспедиции.

Джон Уоллис являлся меценатом, спонсирующим данный исторический поход. Откуда этот англичанин узнал о планируемой экспедиции, никому, право, не приходило в голову выяснить: все были слишком счастливы от того факта, что кто-то оплачивает столь затратное мероприятие. Расула же в проводники им предложил русский посол уже в Чугучаке. Так и сформировалась их небольшая интернациональная группа, которой, в общем-то, Шульц был вполне доволен, даже не смотря на возникшее недопонимание с Расулом.

Как ни странно, о Карле Аццо сейчас совсем не грустил, хоть они дружили с добрый десяток лет. Теперь ему было разве что обидно за друга, который рано погиб, больше из-за своей глупости и безрассудства, чем по вине волков. Выросший в своем идеалистическом мире, Карл имел плохое представление об опасностях, таящихся в реальной жизни, ему море было по колено, оттого, подгоняемый ко всему прочему своей жадностью, он не воспринял в серьёз предупреждение Расула и полез в одиночку в эту заброшенную шахту. Что ж, все мы когда-нибудь окажемся по ту сторону жизни, но сейчас надо было смотреть только вперед, что Аццо и делал, и в прямом смысле в том числе: вот уже который час всматривался в рычащее пространство перед собой сквозь небольшой скальный проем.

Гигантский вихрь чистой энергии разрушительной силы пронизывал космическое пространство, рождая при этом два луча ярчайшего света, которые исходили из его полюсов. Эти лучи простирались на огромные расстояния, наполняя тьму своим светом, который был виден многим, даже самым отдаленным, галактикам. Гигантская вихрь, вибрируя, породила свою песню – песню самого огромного и грозного объекта во Вселенной. Звук этого просыпающегося зверя вселял трепет и страх.

В центре этого вихря находилось нечто вроде ядра, совсем небольшого по сравнению с самим гигантом, которое и являлось источником столь мощного излучения.

Редкие астероиды и метеориты, проплывающие рядом, в мгновение испепелялись безжалостным исполином. Все внегалактическое пространство содрогалось от этого новоявленного гиганта. Но больше всего пугало то, что он продолжал расти.

Увидев это смертоносное чудовище, рассекающее пространство своими огромными жалами, Боги замерли. Нет, даже они не могли предсказать подобный исход событий.

Дождь шел, не переставая, громко барабанил по крышам. Птицы весело плескались в лужах, животные наблюдали за ними из своих укрытий. Только в одном месте атмосфера сейчас была накалена до предела. Это был тронный зал.

– Опрес? Ты? Что ты тут делаешь? – спросил недоумевающий Гарнар.

– Здравствуй, Гарнар. Предваряя вопрос, никто не знает о моем визите к Вам, это сугубо мое решение. – ответил ангел. Гарнар жестом попросил его продолжать. Заявление Опреса его заинтриговало.

– Как Вам известно, – продолжил соратник Рорреса, – ангелы всегда следуют за своим предводителем, коим у нас сейчас является Роррес, и мы не имеем права его слушаться. Подобное неподчинение влечет за собой крайне серьезные меры наказания. – ангел помедлил, – Но, видите ли... В общем. Я знаю, что Вы намерены делать, и я полностью солидарен с Вами в этом вопросе. Я устал, просто устал от постоянной необходимости подчиняться. У меня есть свое мнение, но нет свободы действия. Я не желаю более подчиняться не Рорресу, не Клеонору, не Богам.

– Хм... Это все конечно очень здорово, но зачем ты пришел ко мне?

– Я хочу перейти на Вашу сторону и помочь в битве. – ответил Опрес.

– Но тебе все равно нужно будет подчиняться. И в данном случае – мне. – сказал Гарнар, внимательно рассматривая изменника. Врет он или честен? Что у него на самом деле на уме?

– Да, но я знаю Вашу позицию. К чему Вы стремитесь. И, если Вам удастся осуществить задуманное и установить свой порядок, в таком мире будет больше возможностей и больше свободы действия, не будет прежнего тотального контроля. – ответил Опрес.

– Контроль будет всегда. В любом случае. Без него мир постигнет хаос. Ты же это сам знаешь. – сказал Гарнар.

– Да, но контроль тоже может быть разным.

– Что верно, то верно, – Гарнар задумался, глядя на извивающиеся струйки воды, стекающие по стеклу. – Так и что же получается у нас в итоге: перед самой битвой ты предлагаешь мне взять в свое войско дезертира, поверив на слово его искренности?

– Я могу доказать свою преданность Вам. Только скажите. – сказал Опрес.

Гарнар не верил ангелу. И не вправе был допустить ни малейшего промаха. И даже если Опрес был специально заслан Клеонором для каких-то целей, Гарнар всегда умел извлечь из любой ситуации личную выгоду. Вот и сейчас подвернулся такой момент. Осталось только придумать, как максимально эффективно для себя использовать новую возможность, не допустив ошибки.

– Хм... ну для начала, мой новоявленный друг, можно вкратце обрисовать обстановку в лагере моего любимейшего брата. Судя по твоему заявлению, он все же догадался, какие цели я преследую в действительности? – спросил Гарнар.

– Ангелы ведут свою обычную подготовку. Никаких дополнительных сил пока не задействовано. Во всяком случае, открыто. Клеонор и Роррес большую часть времени проводят вдвоем, долго беседуя. О чем именно, остается только догадываться. А о Ваших грандиозных планах я узнал не от Клеонора. Хотя и он, думаю, тоже давно догадался о них. – сказал Опрес на одном дыхании.

– Так это не он тебе сообщил? – удивился Гарнар.

– Нет. – ответил ангел.

– А откуда же ты тогда узнал?

– Сам понял. Ведь не для кого ни секрет, каких принципов и каких взглядов Вы придерживаетесь, и на что Вы готовы пойти ради достижения своих...

– Это все конечно о-очень занимательно, – Гарнар небрежно прервал Опреса, ответ ангела его не удовлетворил, – но предположения это одно, а уверенность, с которой ты мне сообщал о моих же намерениях – совсем другое. Знаешь, у меня нет времени на эти детские игры. Так что – или ты говоришь мне правду, или проваливай отсюда, пока я окончательно не вышел из себя.

Опрес глубоко вздохнул. Однако ни волнения, ни испуга не выразил, напротив, будто собирался сбросить гору с плеч:

– Просто я знаю про бранденбергов...

– Я давно изучаю этих животных, – продолжал свой рассказ Опрес, – Впервые заинтересовался необычными свойствами бранденбергов еще мой дед. Его труд продолжил мой отец, а затем и я. Долгие годы я стоял на пороге величайшего открытия, которое буквально парило в воздухе. Но мне постоянно чего-то не хватало, какой-то совсем маленькой детали, небольшого факта. У нас на Мерносе была пара особей, за которыми мы постоянно наблюдали, поэтому я сразу обнаружил, что мои животные, вместе со многими другими, телепортировались вдруг в Ваше угодье. Я стал думать, зачем же они Вам, тем более накануне Великой Битвы за артефакт. И тут меня и осенило... Та маленькая деталь, которую я постоянно упускал – это сила артефакта. Она, должно быть, активизирует ту удивительную цепочку ДНК бранденбергов, и они становятся способными... Но Вы и так в курсе, думаю. Вот тогда я и понял о Ваших намерениях. Ведь вряд ли для чего-то еще можно использовать это свойство бранденбергов, кроме как ... Ну Вы понимаете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.